

Пока карманные часы Цзяланя не начали вибрировать, он, скорее всего, продолжил бы писать свои записи, если бы в его Башне Магов никого не было. Но сейчас в его башне находился ребенок, и даже ради того, чтобы подать пример, он должен был отправиться в столовую на обед, который он обычно пропускал.

Цзялань положил ручку и увидел, что Фэн Ваншу тоже закончила свои дела и теперь стояла перед его столом, наблюдая за ним.

— Что-то не так?

Первой его мыслью было то, что у ребенка возникли вопросы, которые он должен был решить.

— Не совсем, — ответила Фэн Ваншу, пододвигая книгу, которую она только что написала. — Хочешь посмотреть, что я написала?

Типичное поведение детеныша: закончив что-то, он обязательно хочет показать это взрослому. Цзялань взял книгу, готовый похвалить ее, независимо от того, что это было — записи или каракули. Но уже на первой странице он понял, что это не просто записи и не каракули. Он тут же открыл книгу, которую писал сам, и начал сравнивать. Сначала он был удивлен, а затем полностью погрузился в идеально выстроенную теорию. Сравнивая с тем, что написал он сам, Цзялань почувствовал странное чувство.

Едва сдерживая желание продолжить чтение, он посмотрел на Фэн Ваншу:

— Это ты написала?

Это был почти риторический вопрос.

— Думаю, ты видел, как я начала писать.

Цзялань подавил желание немедленно побежать к соседу Вии, чтобы похвастаться тем, что он нашел сокровище, и положил книгу обратно на стол. Если бы он продолжил читать, то пропустил бы обед, который он все же решил съесть.

— Сначала пообедаем, потом я продолжу читать.

Сказав это, он вышел из лаборатории, оглядываясь на книгу через каждые несколько шагов.

Только сев за стол, он осознал один вопрос.

— Это твои собственные мысли или то, что написал тот, кто тебя воспитывал?

Если это было последнее, то это было бы очень жаль. Ребенок уже стал его приемной дочерью, а тот, кто ее воспитывал, либо умер, либо... умер. Если бы он был жив, Цзялань мог бы найти себе компаньона для исследований.

— Я написала. В этом мире такого, скорее всего, еще не было, — ответила Фэн Ваншу, не уверенная, что раньше в Башню Небес не просачивались подобные знания. Она просто увидела, что Цзялань уже завершил почти все, и добавила недостающие части, попутно исправив ошибки. — Но это лишь мое понимание. Не факт, что такое раньше не появлялось.

Цзялань интерпретировал ее слова как то, что ее мысли были вдохновлены его работами или, возможно, тем, что она уже была вдохновлена предыдущим наставником, но не могла завершить свои идеи до того, как увидела его книги. Теперь же она все завершила, и то, что

она написала, с большой вероятностью было верным.

После этого Цзялань ел почти механически, его мысли постоянно возвращались к книге на столе в лаборатории.

Когда он закончил есть, он поспешно поднялся по лестнице, словно боясь, что книга исчезнет, если он замешкается.

Но Фэн Ваншу не дала ему насладиться этим моментом. Как только он взял книгу в руки, она подошла и прервала его.

— Могу я посмотреть твои экспериментальные записи?

Прочитав книги Цзяланя, она поняла, что скелеты, которые он вызывал, не были результатом его еще не завершенной системы техник. Чтобы понять магические руны или происхождение скелетов, ей нужно было найти ответы в его записях.

— Ты хочешь посмотреть? Конечно, но это может пошатнуть твои текущие представления, — сказал Цзялань, хотя уже не считал, что что-то может потрясти Фэн Ваншу. Даже если бы он написал, что скелеты могут размножаться, это бы ее не удивило.

Цзялань прошел вдоль книжных полок и постучал по стене. Стена с грохотом повернулась, открывая большие шкафы, заполненные экспериментальными журналами. Он достал свои записи и передал их Фэн Ваншу.

— Вот они. Если хочешь посмотреть остальные, пожалуйста, но некоторые эксперименты могут вызвать осуждение со стороны фракции Добра. Как моя приемная дочь, тебе, возможно, придется привыкнуть к этому.

Цзялань постоянно упоминал о том, что она его приемная дочь, и Фэн Ваншу могла только игнорировать это. Взяв его записи, она начала листать их.

Вся информация была сосредоточена на проблемах магического контура. Цзялань разработал несколько техник специально для исследования самого себя. На первой странице был результат сканирования его магического контура.

Изображение было не самым четким, но Фэн Ваншу сразу поняла, что это было.

Это был «нерв», который тянулся от затылка до копчика, покрытый магическими рунами, слившимися воедино. С первого взгляда можно было разглядеть руны таких техник, как «Увядание смерти», «Бедствие некромантии» и «Всасывание жизни» — знаковых техник магии некромантии.

Остальные руны были слишком переплетены, и Фэн Ваншу с трудом смогла разобрать, что магический контур включал не только магию некромантии, но и защитную и пророческую магию, которую изучали даже самые слабые маги.

Чтобы объяснить Цзяланю, что магический контур — это своего рода «горячая клавиша», Фэн Ваншу взяла бумагу и ручку со стола и нарисовала самые узнаваемые руны на контуре. Остальные, более сложные руны, она просто скопировала по порядку.

Она не стала подписывать названия, так как не была уверена, изменились ли названия техник, связанных с Бедствием Дракона. Затем она продолжила листать записи. Несмотря на обилие

данных и теорий, она быстро закончила просмотр.

Даже не будучи специалистом в биологии, она начала строить догадки. Подойдя к шкафу с экспериментальными записями Цзяланя, она нашла несколько журналов, связанных с тем, что она хотела изучить. Прочитав их, она подтвердила свои подозрения, но при этом запуталась еще больше.

Цзялань не упоминал о том, что ее интересовало, в этих записях, поэтому Фэн Ваншу могла только ждать, пока он дочитает ее теорию магии версии 2.0.

Ожидание было мучительным. Фэн Ваншу бездумно писала на бумаге фрагменты своих догадок и сомнений, параллельно размышляя о себе. Если бы она не боялась потревожить Фэн Сихэ, то уже сейчас позвонила бы ей по «горячей линии».

Это избавило бы ее от ненужных мыслей.

Цзялань закончил читать книгу Фэн Ваншу уже на закате. Даже после прочтения он все еще находился под впечатлением. Хотя он еще не проверил теорию, но только по строгой логике он мог заключить, что она действительно усовершенствовала его теорию.

Некоторые вещи он уже предполагал, но еще не проверил и не записал. Другие он даже не рассматривал, но Фэн Ваншу указала на них, что вызвало у него еще больше размышлений.

Он не знал, была ли его приемная дочь просто невероятно талантливой или это было веление судьбы.

Но он не собирался выяснять это. Его больше волновало, как он будет воспитывать ее в будущем. Уже сейчас она превзошла его. Как он сможет ее учить?

Эта мысль вызывала у него чувство опустошения. Цзялань потер виски. Чем выше талант, тем лучше должно быть образование. Но он прекрасно понимал, что среди активных магов фракции Зла он был одним из самых выдающихся.

Если даже он не мог ее учить, то кто сможет?

Цзялань невольно отвлекся от мыслей и посмотрел на Фэн Ваншу. Она, казалось, тоже о чем-то размышляла, а рядом с ней лежала толстая стопка бумаг.

Цзялань подошел к ней так тихо, что она не заметила его, пока он не постучал по столу.

— Что пишешь? — спросил он мягко.

— Некоторые мои сомнения. Не факт, что они соответствуют действительности, — ответила Фэн Ваншу, потирая виски. Она начала сожалеть о том, что оказалась в Бедствии Дракона. Не о том, что попыталась сблизиться с Цзяланем ради задания, а о том, что оказалась втянута в множество экспериментов, которые ее запутали.

— Похоже, ты все поняла. У тебя действительно талант к исследованиям, — сказал Цзялань, указывая на стопку бумаг. — Могу я посмотреть?